

*«Замок русского Гамлета» и мои родители  
Мария Владимировна Нарышкина Прокудина-Горская  
и Андрей Валентинович Пац-Помарнацкий*

«Замок русского Гамлета» называли Гатчинский дворец под Петербургом. Там жил Павел I, сначала будучи наследником, то есть как Гамлет — «принцем», а потом уже и императором.

Этим не ограничивалось сходство Павла с шекспировским героем. Еще важнее для тех, кто видит здесь роковое сходство, то, что отец Павла император Петр III погиб в результате дворцового заговора, а первую скрипку и «настройку всего оркестра» играла матушка Павла I — «королева», точнее императрица, самодержица всея Руси Екатерина II.

Дворец Павла в Гатчине со своими башнями, пушками на плацу и подземным ходом, действительно, напоминал средневековый рыцарский замок.

Сначала дворец принадлежал «объявленному» фавориту Екатерины графу Григорию Григорьевичу Орлову. Потом, после смерти графа, императрица выкупила дворец у его братьев и подарила «любимому сыну» Павлу.

Щедрость подарка объяснялась просто: императрица желала, чтобы наследник находился подальше от трона и возможных заговоров, теперь уже угрожавших ей самой. Не случайно Павла прозвали «гатчинским узником».

Получив таким образом у «похитительницы престола» Гатчинский дворец, Павел Петрович со страстью принялся за его переустройство.

Все теперь выполнял здесь итальянский архитектор Винченцо Бренна по вкусу опального наследника.

Вокруг легкого, с открытыми галереями дворца из светлого, кремово-розового пудостского камня, выстроенного для графа Орлова

архитектором Антонио Ринальди, появился ров с водой и цепными подъемными мостами.

Зеленый луг перед входом в эту розово-перламутровую виллу превратился в плац для строевой муштры.

Гатчинский дворец становился при Павле все больше похожим на неприступный замок.

Подземный ход замка на Белое озеро, имевший при Орлове характер романтической затеи, при Павле приобрел настоящее оборонительное значение.

Внутри замок поражал своей роскошью. Шло плохо скрываемое соперничество Гатчинского замка — «малого двора» наследника — с «двором большим», петербургским, императорским.

Приемы, обеды, торжества и празднества...

Все это записывалось в камер-фурьерский журнал, который донес до нас светскую хронику малого двора, неустанно готовившегося превратиться в большой.

Соответственно отделялись и интерьеры. В Золотой галерее применялись декоративные приемы, заимствованные от символики Рима эпохи цезарей — лепные позолоченные мечи, копья, стрелы, а также львиные головы и ликторские связки. Все это создавало впечатление блеска и пышности.

В галерее находились живописные полотна с изображениями напряженнейших моментов морского боя под Чесмой и славных побед Российского флота над турецким.

Охваченные пламенем турецкие корабли на этих картинах как бы наполняли своим огненным жаром всю Золотую галерею.

Лучи солнца проникали сквозь оконные проемы, задернутые оранжево-красным шелком и тем самым усиливали впечатление от Чесменского сражения, как будто отражавшегося кровавыми отблесками в закипавшей воде живописных полотен.

Золотая галерея после того как в ней появились картины, рассказывавшие о победах в Чесменском бою, получила название Чесменской.

В ней стали устраивать торжественные марши «при игрании на трубах и литаврах».

По части дворцовых торжеств особенно примечательным в Гатчине был сезон, когда праздновались свадьбы двух великих княжон, дочерей Павла.

Направлявшееся в церковь шествие представляло собой необычайно пышную процессию, состоявшую из гоф- и камер-фурьеров по два в ряд.

За ними шел капитан Гатчинского замка.

Затем два церемониймейстера и церемониймейстер великого магистра.

Далее шествовали первые чины двора.

Непосредственно «за Его Императорским Величеством шли придворных чинов числом 7». Они несли в руках вслед за императором «Императорский Его шлейф».

Праздничный стол был накрыт на 147 кувертов (приборов).

Стол в Малиновой гостиной — на 43 куверта, в Белом зале — на 45.

Праздник длился в течение месяца...

Блюда обычно разносились в Гатчинском дворце полковниками в сопровождении кавалергардов, бравших каждый раз «на караул», когда блюда ставились на стол.

Обеды протекали под аккомпанемент пушечных залпов с бастионов плац-парада и превращались в пышный костюмированный спектакль.

Павлу I, сидевшему в короне и горностаевой мантии, прислуживали первые сановники государства.

В замке «русского Гамлета» воспроизводились сложнейшие церемонии парадных обедов французского «Короля солнца» Людовика XIV.

Что касается садов и парков, окружавших Гатчинский замок, они не знали ни сравнений, ни соперников.

Террасы, балконы, каскады, беседки, скульптуры, вольеры, обелиски, а так же павильон Венеры, Березовый домик и многое-многое другое завораживало именитых гостей.

Вот здесь, в таинственном «Гамлетовском замке» и в его задумчивых парках познакомился Андрей Валентинович Помарнацкий, научный сотрудник Гатчинского дворца-музея с моей мамой — той самой Машенькой Нарышкиной (Прокудиной-Горской), о детстве которой шла речь в предыдущих главах.

Она закончила школу в Новороссийске и приехала учиться в Ленинградский университет на исторический факультет.

В Ленинграде жили давнишние приятельницы Пелагеи Петровны учительницы Ильины — София и Мария Александровна.

Они уже не раз приглашали к себе Машеньку, показывали ей город, «красавицу Неву», Русский музей. Водили ее на балет в театр имени С. М. Кирова, который они по своей старой, еще дореволюционной памяти называли Мариинским.

Ильины — «тетя Маня» и «тетя Соня» — показывали также Машеньке и ленинградские пригороды: Петергоф и Гатчину.

Гатчина со своим заповедным лесом «Зверинцем», где охотились русские цари, необыкновенным парком, Серебряным и Белым озерами, показалась Машеньке таким волшебным местом, что «душа пела» от этой красоты.

Вслед за «своей Машенькой» перебралась из Новороссийска Пелагея Петровна — мамина «вторая мама», ее Полянька, а моя — бабушка, «любимая бабуленька».

Она стала работать учительницей в Сестрорецке, в школе № 3.

Как старому заслуженному педагогу РОНО выделило ей в учительском доме самую большую солнечную комнату.

Но бабушка отдала ее молоденькой учительнице, у которой только что родился ребенок, а сама переехала в ее — маленькую, а главное, холодную.

В молодости моя бабушка входила в толстовскую общину, и многое из принципов толстовцев сохранила навсегда.

Зимой, когда мама возвращалась в Сестрорецк из университета, в комнате был такой холод, что замерзала вода в чайнике. Она испуганно говорила своей Поляньке:

— Ты же заболеешь.

— А ты представь, что было бы с грудным ребенком в этой комнате, — отвечала моя бабушка.

Летом же в Сестрорецке было хорошо: Финский залив, сосны, парк «Дубки» на самом берегу залива.

В воскресенье приезжали верные бабушкины подруги тетя Маня и тетя Соня. Мама пекла тогда их любимые блины, потом шли гулять по песчаному берегу до Курорта.

К этому времени переехали в Ленинград и Афиногеновы. Ната училась в Политехническом институте на гидротехническом факультете, а Лера — в Педагогическом институте, на филологическом.

Она водила экскурсии в Гатчинском дворце, где ее окрестили «Гатчинской звездочкой» за сияющие синие глаза и возвышенную любовь ко всему прекрасному. Она и привела мою маму в Гатчинский дворец.

Этот «замок русского Гамлета» поистине королевские чертоги! Здесь жили все российские императоры, кроме Николая II.

Можно было пройтись по комнатам дворцовой анфилады и ощутить сразу два столетия, как будто они прошлестели своими крылами, отразившись и застыв навсегда в царских коллекциях картин, скульптур, бронзы, которые славились на весь мир.

Многое из этих раритетов были подарены Павлу его венценосными друзьями, в то время когда он, еще будучи наследником, ездил инкогнито со своей супругой Марией Федоровной путешествовать по Европе под именем «графа Северного».

Мебель в Гатчинском замке была наборного дерева с вставками из черепахи и перламутра, изделия из бронзы прославленного мастера Гутьера, фарфор Веджвут.

Часы с музыкальными шкатулками в каждой из комнат исполняли свою собственную неповторимую мелодию.

Когда шел по замку, тебя то догоняли, то где-то еще далеко впереди встречали их нежные голоса.

Были здесь знаменитые малиновые гобелены «Дон Кихот» и огромные живописные полотна с романтическими руинами и водопадами кисти французского художника Гюбера Робера, с которым в Европе великий князь Павел Петрович познакомился и подружился.

Белый зал украшали подлинные антики.

О гатчинских картинах рассказывали, что они выходили из своих тяжелых бронзовых рам, оживали и шептались в прозрачных майских сумерках, пока за деревьями парка не появлялся первый луч света.

Летом экскурсоводам Гатчинского дворца разрешалось в нем оставаться, так как туристы приезжали в белые ночи рано, а уезжали поздно.

Мама моя вместе с Верой Васильевной Романовой, женой известного профессора Константина Константиновича Романова, стали жить в одной из башен Гатчинского замка.

Когда мама и Верочка Васильевна решили поселиться на экскурсионный сезон в дворцовой башне, сотрудник музея, помощник директора по науке Георгий (Юрий) Викторович Смирнов осторожно предупредил их, улыбаясь:

— В башне? А не боитесь? У нас тут говорят, что в башнях живут дворцовые привидения. Да и какой же гамлетовский замок без привидений!

— Правда? И кто-нибудь их видел?

— Говорят, как раз в башенных окнах они появляются в полночь... И что особенно непонятно, одновременно и в Часовой и в Сигнальной башнях...

— А вы их видели?

— Представьте, видел...

— Какие же они на вид?

— Ну, как вам сказать? Что-то белое, заполняющее почти все башенное окно,двигающееся... то в одном окне, то в другом. И главное, издающее какие-то тоскливые, не то стонущие, не то плачущие звуки... Очень жалобные...

На другой день поздно вечером мама, Вербасочка и Татьяна Викторовна (сестра Георгия Викторовича) тихонько пошли на террасу.

В парке темно, громада дворца угрюмая, а вода в Белом озере черная, совершенно черная.

— Двенадцать, — прошептала Верочка.

И вдруг что-то как метнется в черном провале окна на башне... И завизжало, запищало, захохотало...

Долго они на террасе стояли, ждали — может, высунется. Уже уходить собрались, вдруг свет загорелся в круглом окне башни и поплыл из окна в окно.

Татьяна Викторовна оказалось самой отчаянной, взяла да и крикнула:

— Эй, привидение?!

Тут из окна посыпались искры и раздался тот вой, о котором говорил Георгий Викторович.

— Ой, жуть какая!

Пошли они обратно и решили не перебираться в башню.

А Верочка маме говорит:

— Машенька, знаете, я Вас все-таки приглашаю перебраться туда.

На другой день поднялись наверх, осмотрели там все — никаких следов привидения.

Только обожженную спичку нашли.

— Наше привидение курящее.

Посидели у окна, полюбовались оттуда озерами, парком. Воздух влажный, пахнет озерной водой.

Так спать и не легли.

А перед рассветом вдруг стало что-то гоготать, визжать, выть...

Башенные квартиранты затихли, притаились, ждут, что еще привидение выкинет.

Маме моей очень хотелось уйти, но не бросать же Верочку привидениям на съедение.

На следующую ночь мама с Верочкой снова пошли в башню.

Только они вошли на лестницу, как сверху послышались какие-то голоса... Остановились... Голоса ближе, ближе... И вдруг... Да это рабочие-кровельщики!

— Ну, девчата, храбрые же вы. Как мы вас ни выживали из башни, а вы опять идете, — и они засмеялись. — Нам придется на крышу перебираться. Будем вас караулить, чтоб привидения не обидели.

Вечером они вежливо постучали в окно:

— Чайку нам не нальете? А мы вас колбаской угостим.

Так легенда о башенных привидениях и осталась до сих пор дворцовой тайной...

— Как вам в башне живется? — спрашивал Георгий Викторович, удивляясь женской храбрости.

Из окон дворцовой башни был круговой обзор. Изумрудной зеленью водорослей отливало сквозь прозрачную воду Серебряное озеро.

Слева — густой бархат «Зверинца», где охотился Александр III.

Справа — дворец «Приорат», по заказу Павла выстроенный для приора (второго после великого магистра сановника) Мальтийского рыцарского ордена.

Когда Наполеон захватил остров Мальту, где с XVI века располагался рыцарский орден, рыцари обратились за покровительством к «русскому Гамлету», и Павел принял на себя титул великого магистра.

Приоратский дворец с островерхой башенкой — плод фантазии несравненного Александра Львова. Изобретатель, музыкант, поэт и архитектор, автор здания Главпочтамта в Петербурге, Александр Николаевич Львов создал Приоратский дворец из... прессованной земли.

«Земляной дворец», простоявший вот уже два века и не разрушившийся ни от исторических, ни от погодных катаклизмов, расположился на самом берегу Черного озера.

Отраженный в нем как в темном заколдованном зеркале, изящный Приоратский дворец напоминал из круглых башенных окон Гатчинского замка какой-то экзотический белоснежный цветок.

В самих же башнях Гатчинского замка, в которых жили тогда экскурсоводы, не было не то что удобств, но даже электричества. Вела туда винтовая каменная лестница.

«Но как хорошо мы там жили», — не раз вспоминали потом мамыны друзья, «гатчинцы», которые часто собирались там, в этой «гамлетовской башне».

«Мы там пили вино и ели арбузы», — каждый раз добавлял папа.

Поднять огромный красный, с черными косточками, с вырезанным треугольником арбуз для всей экскурсоводческой братии по винтовой лестнице было его обязанностью.

Иногда в окна башни влетали ласточки и, полетав под потолком, снова улетали в небо, словно решив, что чем выше, тем лучше — вольнее жить.

А наутро, в выходные дни в открытые круглые окна доносилась с вокзала музыка духовых оркестров. Это шли и шли экскурсанты.

Часто экскурсоводы летом жили в комнатах фаворитки Павла — Екатерины Ивановны Нелидовой. Комнаты располагались анфиладой одна за другой.

Все многочисленные свидетельства жизни дворца «русского Гамлета» наполнены подробностями об отношениях супруги Павла Марии Федоровны и камер-фрейлины Нелидовой.

Особенно в этом отличался князь Долгоруков, завсегдатай Гатчинского дворца, который везде присутствовал, все знал и обо всем писал в своих записках.

Между прочим, как раз в этих записках он писал о своем увлечении красавицей-женой Петра Ивановича Прокудина-Горского — Феоктистой Даниловной.

Князь Долгоруков вел хронику дворцовых семейных событий, которая дает яркое представление о пышных празднествах и трагическом противостоянии одной фрейлины всему дворцовому обществу.

Несомненно, взгляд очевидцев открывал лишь внешнюю сторону очень непростых отношений этого «треугольника».

В «комнатах Нелидовой» с тяжелыми до полу серебристыми портьерами и через сто лет сохранялась аура этой необыкновенной камер-фрейлины, противостоявшей, а иногда даже побеждавшей враждебность придворного гатчинского мира.



Возможно, спустившись по мраморным ступенькам в свою ванну, она смешивала с голубоватой водой из Серебряного озера свои слезы, но Мария Федоровна слышала лишь ее веселый смех.

Незаурядные отношения незаурядных людей...

Ради чего Нелидова, «маленькая и некрасивая», как писал Долгоруков, одна-единственная умевшая укрощать бешеные вспышки гнева Павла I, терпела такие муки?

Сейчас, в начале третьего тысячелетия, когда Россия переживает эпоху реставрационного ренессанса, снова как будто из небытия возникают мраморные ванны, серебряные туалетные приборы, картинные галереи, библиотеки.

И вместе с ушедшей и вновь возрождаемой красотой становится понятным чисто женское, неизменное желание быть нужной, открывать то лучшее, доброе, что живет от рождения в каждом человеке...

После смерти Павла его вдова Мария Федоровна составила из pistolетов своего покойного супруга его монограмму.

Тем самым она положила, возможно, сама того не ведая, начало неподдельного и не ослабевающего интереса к коллекционному оружию русских монархов.

Гатчинский замок обладал блестящими раритетами венценосных охотников.

Открытые сейчас для обозрения образцы гатчинского охотничьего оружия и оружейные шедевры имеют не только историческое значение. Они позволяют проследить развитие изобретательской мысли и оценить образцы царского оружия как произведения подлинного искусства.

Любопытно, что именно в царской Гатчине происходили испытания в Серебряном озере С. К. Джевецкого, с именем которого связан первый опыт серийного строительства подводных лодок.

Вот как описал эпизод испытания подводной лодки известный кораблестроитель А. Н. Крылов:

Царь и царица сели в шлюпку, на которой и вышли на середину озера, а Джевецкий, пользуясь прозрачностью воды, маневрировал [на подлодке] около этой шлюпки, иногда подходя под нее.

Наконец, шлюпка подошла к пристани, царь и царица вышли...

Джевецкий с ловкостью привстал, открыл горловину... преклонил колена и подал царице великолепный букет орхидей, сказав: „Это дань Нептуна Вашему Величеству“...

Можно только порадоваться, что в наши дни силами энтузиастов, моряков-подводников проектируется памятник первой серийной подлодке Джебевского, гордо вынырнувшей из вод Серебряного озера неподалёку от Гатчинского замка.

Назвать подлодку моряки решили «Марией» в память о русской императрице, принявшей от Нептуна букет орхидей — о Марии Федоровне (датской принцессе Дагмаре), супруге Александра III и матери последнего русского императора Николая II.

До войны в Гатчинском дворце-музее работало много замечательных специалистов. Это была старая потомственная интеллигенция.

Они сумели создать подлинную школу музейного строительства, из которой вышли и современные светила музейного дела.

Гатчина притягивала к себе А. Бенуа, В. Курбатова, В. Левинсона-Лессинга, Н. Лансере, В. Макарова и других блестящих знатоков культуры и искусства.

Нужен был абсолютный художественный вкус и энциклопедические знания для музейной компоновки такого огромного и разнохарактерного историко-культурного богатства.

Дворцовой экспозицией занимался тогда «Юрочка Смирнов» — Георгий Викторович, который впоследствии напишет не одну замечательную книгу о русских живописных полотнах.

Часто бывал в Гатчине и Владислав Михайлович Глинка — «Владмих», так его называли сотрудники и друзья.

Совсем недавно о нем вышел объемный труд под названием «Хранитель» — хранитель музейных фондов, старины, традиций. Владмих был другом моего отца.

В книге «Хранитель», составленной Михаилом Глинкой, племянником Владмиха, приводится много сведений и о моем отце, публикуются его письма. Они касаются скорее уже преклонных его лет.

Мне же хочется рассказать о его гатчинской эпохе, когда отца все любили за его любовь к дворцу, к истории российской, к культуре.

Был он тогда молодым, иногда остроумно-пикирующим, иногда мрачно-философствовавшим. Играл в теннис на дворцовом корте, декламировал стихи Гумилева и Мандельштама.

Его сравнивали с Андреем Болконским из «Войны и мира». И ему это нравилось.

Любил он Гатчинский дворец упоенно.

С грустью рассказывал о карпах в Карпином пруду, которые раньше по зову колокольчика подплывали к берегу, выпрыгивали из воды и ловили корм, и которых «теперь в Карпином пруду нет».

Знал он и про разные привидения, давным давно жившие во дворце. Одно из них появлялось ровно в полночь со стороны замка и исчезало в лесной чаще, откуда долго еще слышались его глухие стенания...

Об этом привидении заговорили даже в Петербурге...

С первым ударом башенных часов, бивших двенадцать, он, то есть гатчинский призрак, появлялся на верхней аллее Черного озера.

Отцу моему, тогда еще совсем юному, очень хотелось встретиться с привидением, а еще лучше вызвать его на разговор...

Только через полвека ему удалось-таки раскрыть эту старинную привиденческую тайну.

Стонущим призраком оказался лицеист Николай Кутепов, сын генерал-майора Николая Ивановича Кутепова, занимавшего с семьей весь первый этаж Приоратского замка.

Облачившись в простыню, Николай совершал свои нелегкие еженочные бдения. Почитал их делом важным, поскольку они подерживали уже сложившуюся дворцовую легенду...

Так, через 50 лет, развеялась еще одна легенда о приведениях Гамлетовского замка.

Но призраки попрежнему навещают этот загадочный замок и его подземный рыцарский ход...

Отец мой закончил Институт литературы и искусства. В 1920–30-е годы никак не мог никуда «вписаться». Устроился работать бухгалтером.

Теперь же, став научным сотрудником Гатчинского дворца-музея, он был безмерно счастлив!

Консультировал, писал один из самых первых путеводителей по дворцу, налаживал контакты с другими дворцами, проводил особо трудные, ответственные экскурсии.

Его ораторский талант был неоспорим, «златоуст»!

«Это может только Андрей!»

Он был в ударе! Начинаясь тогда экскурсоводы не пропускали ни одного его занятия. Особенно восхищался его даром исторической реконструкции научный сотрудник Афанасий Георгиевич Лацкевич.

Когда во дворец приезжали высокие гости, вести их по дворцу поручали Андрею Валентиновичу.

Около каждой, даже самой незначительной вещи — табакерки, вазочки, ножа для разрезания бумаги — рождалась из его уст целая историко-художественная новелла.

Возле портретов высокопоставленных при дворе особ он даже позволял себе острить. Его глаза из-под бровей сверкали такой ядовитой усмешкой, что невольно чувствовалась сила характера.

Чем больше сгущался в Гатчинском замке вечерний полумрак и ярче серебрился в окнах серп месяца, тем неожиданнее взблескивали в темноте его глаза. Кто-то из проходивших мимо гатчинцев вспомнил фразу Пушкина о том, как Онегин «блистая взорами» предстал перед Татьяной.

В ту гатчинскую пору он много ездил с Машенькой по дворцам-музеям Ленинграда. Бывали вместе в Ропше, в Стрельне, в Старом Петергофе и др.

Посетили Коттедж, с его как будто вырезанными из слоновой кости верандочками, балкончиками и красивым гербом из пересекающихся роз и шпага.

В нише Коттеджа стояла беломраморная, словно сахарная, «Мадонна с младенцем» работы Ивана Витали, известного своими скульптурами Исаакиевского собора.

Для Гатчины скульптор Витали сделал памятник Павлу перед дворцом и бюст Николая I в Ротонде.

Часто Андрей и Маша ходили в концерты и по театрам. У нас дома до сих пор сохранилось множество театральных программ 1930-х годов, и я не раз обращалась к ним за справками.

Однажды, выйдя из филармонии, Андрей пригласил Машеньку пойти навестить «отца города» — «Медного всадника».

Они увидели зрелище, впечатление от которого осталось на всю жизнь: могучая черная фигура на вздыбленном скачущем коне. Казалось, слышно было цоканье огромных копыт...

Памятник, освещенный слабым светом фонарей, жил, шевелился. В тот миг, когда выглянула из-за туч луна, лицо Петра вдруг приобрело новое выражение: «Победа на века!»

Но кривая луна, словно усмехнувшись, исчезла, — и все потонуло во тьме...

После этого Маша записала в своем дневнике, который вела в студенческие годы, «я заметила как сверкают у Андрея глаза под черными бровями. Он показался мне персонажем из «Фауста».

Андрей Валентинович был намного старше Машеньки, по его собственному выражению, «как Пушкин свою Натали».

Он уже имел сына Мишу и был женат на Елизавете Александровне Фаас.

Вскоре над башнями Гатчинского замка начали сгущаться черные тучи...

Был отправлен в ссылку главный хранитель музея В.К. Макаров.

В семье Афиногеновых арестовали Сергея Михайловича. Когда его увозили, он сказал: «Я ничего не сделал плохого, я скоро вернусь».

Больше он не вернулся...

Его семью, в том числе Лерочку, «Гатчинскую звездочку», выслали.

Шел 1938 год...

В 1939 году мои родители поженились.

Меня назвали в память о высланной маминой подруге детства Нате Афиногеновой.

Когда в нашем доме появилась моя детская кроватка, мальпостик (детская колясочка), столик, на котором стояли разные детские бутылочки, мама уже закончила университет и работала в Государственном архиве.

Папа после экскурсионного дня в Гатчине ехал на поезде в Ленинград, по дороге заходил в магазин «за пищей».

Эти преодоления бытовых трудностей он ставил очень высоко: «Не узнаю Пац-Помарнацкого Андрея!» — с пафосом восклицал он.

Но фигурой высшего пилотажа в этом, как он выражался, «детском мире», была покупка им детской ванночки.

Ночью, когда я плакала, он вставал ко мне, это ему было не так трудно — он «сова». Меня он тоже называл «совушкой», потому что я не спала ночью.

Чтобы я не плакала, он мне показывал фотографию Евгения Мравинского, которая висела у нас на стене. За фотографией было радио. Когда папа включал его, я начинала «гукать» Мравинскому. Папе нравилось, что я «способна на диалог».

Иногда он напевал мне колыбельные собственного сочинения. Некоторые из этих ночных песенок мама записала:

Стоит дом на курьих ножках,  
В небо тычет свои рожки...  
На Каляевке тот дом,  
В этом доме мы живем...  
Ну расти, расти же крошка,  
Подрасти хотя б немножко,  
Показать тебе мне хочется  
Наш дворец на мызе Хотчина...

Справедливости ради стоит заметить, что в этом начинании — познакомить меня с гатчинскими дворцовыми сокровищами — мои родители преуспели. Первым словом, которое я научилась говорить, стало не «мама» и не «папа», а «атина» (Гатчина).

Были и другие папины колыбельные, «утешительные»:

Плачет мой Совенок милый —  
Нет у мамы молока,  
Глазки круглые таращит —  
Обойдися ты пока!

«Обойдися ты пока!» — стало потом семейной классикой, почти девизом жизни.

Летом, в выходные дни меня возили в Сестрорецк, к моей бабушке, Пелагее Петровне Нарышкиной.

Отвезли меня «познакомиться» и к папиной маме — Анне Михайловне Пац-Помарнацкой, урожденной Кази.

Ее муж, Пац-Помарнацкий Валентин Фаддеевич, полковник лейб-гвардии Павловского полка, погиб в Первую мировую войну.

Пацы потратили в свое время много финансов на церковное зодчество. И сейчас возвышается в Вильнюсе величественный собор Пацов.

Анна Михайловна Пац-Помарнацкая, бывшая фрейлина вдовствующей императрицы, жила до Великой Отечественной войны в Гатчине, хранила множество дворцовых тайн и всяческих историй из жизни царского двора.

Она охотно рассказывала их моей маме, тогда еще совсем молодой, только начинавшей свою экскурсоводческую деятельность.

Рассказывала о царских, считавшихся «семейными», легендах о великом князе Константине Константиновиче, который писал

стихи, прогуливаясь по парку и принимая скульптуры Собственного садика за живых людей.

Приводить эти сценки из жизни русских монархов на официальных экскурсиях в Гатчинском дворце-музее было, конечно, нельзя.

Но на экскурсиях неофициальных, где посетители особенно живо интересовались этой тематикой, экскурсоводы дворца старались использовать отдельные «штрихи к портретам», и тогда вынималась заветная тетрадка.

Отец мой любил и почитал свою мать. Но, как он сам рассказывал, они часто и горячо спорили, все больше на исторические темы. Никто не хотел уступать, отец уходил, хлопнув дверью. На другой день страшно виноватый, он снова шел туда, не зная как и прощение попросить. Анна Михайловна уже спешила навстречу: «Не будем, Андрейчик, ссориться».

Когда мои родители приехали к Анне Михайловне, она приветливо с привычно светскими, чуть властными нотками в голосе, приветствовала их: «Показывайте, показывайте свое сокровище...»

Отец, повинувшись, развернул все пеленки и клеенки и поднял свое дитяте на ее обозрение — в чепчике, в белой распашоночке и в бленьких башмачках, связанных бабушкиной рукою.

За чаем Анна Михайловна спрашивала о Гатчинском дворце. В это время я зашевелилась в своих пеленках и подала голос.

Анна Михайловна повернулась и оценивающе проговорила:

— С характером, с характером будет этот человек.

— Мы ее называем Шамаханская царевна, — с гордостью сказал папа.

— Да, не меньше, не меньше. Овал лица у нее мой и нос, пожалуй, тоже...

Она поцеловала меня в лобик и подарила «на первый зубок» серебряную ложечку.

— До свидания, деточка... Расти большая и умная... Шамаханская царевна... она в нашу породу, меченая... со звездой во лбу.

Вскоре началась война. Отец ушел на фронт. Мама ездила помогать спасать сокровища Гатчинского дворца-музея...

Скульптуру одевали в специальный чехол и зарывали в Гатчинском парке в землю.

Упаковывали и переносили вплоть до последнего дня. Но и в последние часы, когда фашисты вплотную подошли к Гатчине,

во дворце все еще оставались научные сотрудники Серафима Николаевна Балаева и Ирина Константиновна Янченко.

Не останавливаясь и не разгибаясь, они продолжали упаковывать, заколачивать и прятать музейные ценности, по-прежнему заботясь о них...

Серафима Николаевна вышла из «замка русского Гамлета», когда мимо него проносились, рыча, мотоциклы с черной свастикой. Медленно, с трудом спустилась по стертým дворцовым ступенькам и не оглядываясь пошла пешком (поезда уже не ходили) в Ленинград...

После снятия блокады, когда моя мама и Вера Васильевна Романова вернулись в Ленинград, они сразу же поехали в Гатчину.

Дворец смотрел на них пустыми глазницами окон, как тушью обведенными мохнатыми следами языков пламени. Чудом уцелевшая штора Золотой галереи хлопала на ветру, то надуваясь парусом, то втягиваясь в черное нутро дворца...

Но представители первоклассной музейной школы не дали замереть сложившимся музейным историко-культурным традициям.

Гатчинский замок после своего почти полного разрушения, как феникс из пепла, вновь поднимается из руин...

Анна Михайловна Пац-Помарнацкая, урожденная Кази, — моя бабушка по отцу — умерла в годы блокады от голода.